

А.М. Решетов

Китайская община в Малайзии (некоторые аспекты исторического развития)

Китайские общины исторически сформировались во всех странах Юго-Восточной Азии. Самая крупная из них — китайская община в Малайзии. По оценкам 2006 г. общая численность населения этой страны составляла 24,4 млн чел. Из них малайцы составляли 50,4 %, китайцы 23,7 %, индийцы 7,1 %, остальные 18,8 %. Даже только численный состав и удельный вес китайцев в структуре малайзийского общества с бесспорностью убедительно свидетельствует о большом значении и важности этого этнического компонента. Следует признать, что современная китайская община — неотъемлемая составляющая полиэтнического малайзийского общества (малайзийской нации), вместе с тем сохраняющая в значительной степени свое этническое самосознание, имеющая самоназвание, самобытную культуру, свой язык, восходящие истоками к культуре материальных предков.

История возникновения и формирования локальных китайских общин в Малакке слабо изучена. Основное внимание исследователи уделяли и продолжают уделять становлению и развитию китайско-малайских отношений. Эти сюжеты довольно

обстоятельно рассмотрены в монографиях отечественных ученых А.А. Бокщанина [1968] и М.Ю. Ульянова [2001].

Ценным источником для рассматриваемой темы также стало недавно вышедшее фундаментальное исследование Е.В. Ревуненковой [2008]. Знакомство с источниками и литературой позволяет предположить, что уже в первые века нашей эры на территории Малакки бывали одиночные группы китайских первопроходцев. Следствие этого — появление в китайских письменных источниках сведений о малайском княжестве Лигур (Лигор), основанном во II в. н.э.

В малайской версии романа об Александре Македонском действует персонаж раджа Суран, которому легенда приписывает поход в Китай. Вне всякого сомнения, отношения между китайцами и малайцами на ранних стадиях возникали как торговые. Известно, что в средние века Малаккский султанат на Малаккском полуострове был мощным государством, а Малакка, по существу, крупным торговым центром Юго-Восточной Азии. Сопровождавшие китайского флотоводца адмирала Чжэн Хэ лица отмечали, что здесь торговали голубым и белым фарфором, золотом и серебром, украшениями, дорогими тканями и т.д. Каждый год сюда приплывало десять китайских джонок, нагруженных самыми разными товарами: шелками, мускусом, камфорой, медными и железными изделиями, которые прямо в порту обменивались на товары, пользовавшиеся спросом в Китае, например перец [Ревуненкова 2008: 229–230].

Китай и малакские княжества, заинтересованные в длительных дружественных отношениях, как свидетельствует хроника «Сулалат-ус-салатин», укрепляли их, как нередко бывало в то время, брачными связями. Согласно этому малайскому источнику, китайские императоры были потомками малайской принцессы [Ревуненкова 2008: 135]. Китайские же источники подчеркивали постоянное обращение Малакки к Китаю за необходимой военной помощью в борьбе против агрессии соседнего Сиама [Ревуненкова 2008: 251].

Как хорошо известно из китайских источников, все соседние с Китаем государства признавали себя вассалами, а посему китайские правители преподнесенные им подарки считали данью, и в знак признания их прав местным правителям вручали печати, а также дорогостоящие дары, превосходящие по ценности

полученные подарки. Такая политика проводилась Китаем и по отношению к малайским княжествам, хотя на самом деле это была традиция обмена подарками по принципу «подарок — подарок» [Решетов 1982: 3–10]. Весьма любопытно, что, по сообщению малайского памятника, малайский правитель дарил соответствующую печать, *кемна*, китайскому императору [Ревуненкова 2008: 130].

Малайская рукопись приводит еще один пример, как породнились китайцы с малайцами. Посол Малакки тун Перпотих Путих, побывавший у китайского императора, собрался в обратный путь, и тогда правителю Китая пришла в голову мысль: «Хорошо бы мне взять в зятя правителя Малакки, чтобы он приходил на поклон ко мне». Император предложил послу передать правителю Малакки приглашение явиться к нему, и тогда он отдаст ему в жены свою дочь, принцессу ханг Ли По. Умный опытный посол хитро ответил, что его государь теперь не может оставить свою страну, поскольку она окружена врагами и существует угроза ее безопасности, добавив: «Если же господин мой захочет послать что-нибудь в дар достопочтимому сыну, то ваш ничтожный раб возьмет его с собой. И, слава всевышнему Аллаху, дар благополучно прибудет в Малакку». Услышав такой ответ, китайский император решил не откладывать осуществление задуманного плана и приказал снарядить сто *пилоу* (кораблей), чтобы они доставили его дочь в Малакку. Было отобрано пятьсот самых красивых дочерей министров для сопровождения невесты и прислуживания ей. Султан Мансур Шах был поражен красотой китайской принцессы, выразил желание жениться на ней, в связи с чем повелел ей принять мусульманство.

После того как принцесса *ханг* Ли По стала мусульманкой, Мансур Шах взял ее в жены, а вскоре у них родился желанный сын. Пятистам китайским девушкам — дочерям министров также было велено перейти в ислам, знатные малайцы взяли их в жены. Их семьи по приказу султана поселили на холме, который получил в связи с этим название Букит Чина (Китайский холм). Они вырыли, как считается, в 1409 г. колодец у подножия Букит Чина — источник чистой питьевой воды. Этот колодец, получивший название колодца Ли По, существует и в наше время, являясь одной из исторических достопримечательностей

Малакки. Потомки этих китайско-малайских браков получили название китайских бидуандов (слуг правителя) [Ревуненкова 2008: 277, 281].

Таким образом, можно считать, что первые постоянные китайские поселения на побережьях Малайи, связанные с посещениями китайскими торговцами этого региона, появились, по крайней мере, не позже XIV–XVI вв. В частности, совершенно очевидно, что на Букит Чина находилось одно из ранних китайских поселений этого времени. Об этом убедительно свидетельствует расположенное там сохраняющееся и в наше время китайское кладбище с 12-ю тысячами захоронений площадью в 25 га — одно из самых значительных китайских захоронений вне материкового Китая. Многие могилы на Букит Чина датируются периодом правления китайской династии Мин (1368–1644 гг.) [Ревуненкова 2008: 280].

Поскольку прибывавшими преимущественно из провинции Фуцзянь торговцами были исключительно мужчины, а местное малайское население спокойно относилось к смешанным бракам (более того, малайские женщины охотно становились женами китайцев), то уже в середине II тыс. н.э. начала формироваться этническая группа потомков этих смешанных китайско-малайских браков, представители которой получили название *баба*. Первоначально этот термин имел пренебрежительное и даже оскорбительное значение, а потому не использовался самими *баба*, но со временем стал употребляться местным населением в качестве метафоры для названия китайцев, подвергшихся малайскому этнокультурному влиянию.

Есть мнение, что термин *баба* тюркского происхождения. Как известно, в турецком языке он обозначает «отец, дед, почтенный человек». Тан Чи Бэн считает, что термин *баба* пришел в Юго-Восточную Азию из Передней Азии через Индию [Tan Chee Beng 1988: 297–312]. В Келантане термином *баба* местное население называет уважаемых старых китайцев, прибывших из Китая [Teo Kok Seong 2003: 49].

Баба занимаются земледелием (выращивают рис, перец), разводят домашних животных, в том числе свиней, занимаются ремеслами, особенно резьбой по дереву, торговлей и т.д. Их образ жизни и повседневная культура — малайского образца, хотя сохраняются некоторые черты традиционного китайского быта

в свадебных и религиозных обрядах. Китайские ученые рассматривают язык *баба* как смешанный китайско-малайский, синицированную форму малайского языка. Согласно другой точке зрения, язык *баба* определяется как креольский на малайской основе, на котором создавались *пантуны* — фольклорные произведения, а также драматические и музыкальные жанры, в конце XIX — начале XX в. особенно активно издавалась литература, газеты, журналы [Тео Kok Seong 2003: 2; Дорофеева 1990; 2001: 225–227]. Тем не менее сами *баба*, равно как и испытывавшие малайское влияние китайцы — *перанаканы* (малайск. «метис») Келантана и Тренггану, считают себя частью китайской общины. По своему самосознанию они остаются китайцами и называют себя *чино кампунг* (деревенские китайцы). Общая численность китайцев Малайзии, подвергшихся частичной ассимиляции, в настоящее время незначительна — чуть выше 5 тыс. чел.

После превращения Малайи в английскую колонию, особенно начиная с последней трети XIX в., значительные размеры приняла принудительная иммиграция китайцев в качестве дешевой рабочей силы. Она шла из южных приморских провинций Китая: Фуцзянь, Гуандун (включая о. Хайнань) и Гуанси. Самыми ранними иммигрантами по праву читаются фуцзяньцы. Прибывавшие с материка китайцы селились преимущественно там, где несколько раньше уже обосновались их земляки. Поэтому этнорегиональные группы китайцев в Малайе расселены компактными группами по регионам: например, в Куала-Лумпуре преимущественно находили пристанище гуандунцы, на Пинанге — фуцзяньцы и т.д. Нередко после завершения контракта китайцы, заработав соответствующую сумму, возвращались на родину к своей семье. Тем не менее даже на примере одного небольшого района Пинанг можно проследить быстрый рост китайского населения в Малайе: в 1794 г. в нем проживало всего 3 тыс. китайцев, в 1803 г. — 12 тыс., в 1860 г. уже 60 тыс.; по данным на середину XX в., число китайцев в Пинанге превышало 300 тыс. чел. [Демин 1971: 275]. Первоначально, как уже отмечалось, китайская иммиграция была исключительно мужской, и только в середине XX в. соотношение полов приблизилось к нормальному. Иммиграция из Китая в Малайю практически полностью прекратилась к началу 1930-х годов.

В период работы по найму связи китайцев с местным малайским населением были довольно ограничены. Китайцы работали по контракту на оловянных рудниках, каучуковых плантациях, лесоразработках, т.е. были заняты на тяжелых работах. Однако постепенно их экономический статус менялся, и китайцы становились свободными рабочими на промышленных предприятиях, мастерскими, ремесленниками, торговцами и т.д., стали составлять значительную прослойку городского населения. Среди них постепенно росла и собственная буржуазия: сначала формировалась мелкая и средняя, а затем, особенно в конце XIX–XX в., и крупная, игравшая существенную роль в экономике страны. Вырастала постепенно и собственная китайская интеллигенция. Только очень немногие китайцы были заняты в сельскохозяйственном секторе.

На всех этапах существования малайской, китайской и индийских общин каждая из них находила свою нишу. Вследствие политики, проводимой английскими колонизаторами, обосновавшиеся в Малайе китайцы заняли довольно прочные позиции в экономике, сконцентрировали в своих руках торговлю, в связи с чем они не просто становились преимущественно городскими жителями, но и зачастую составляли их значительную часть. Местные же малайцы занимались в основном сельским хозяйством, в городах, как правило, они оказывались в меньшинстве. Однако даже в те времена, когда Малайя была колонией (1786–1957), британская колониальная администрация опиралась на старую местную феодально-бюрократическую правящую верхушку. Таким образом, сохраняя прежде существовавшие властные малайские структуры, англичане облегчали себе управление колониальной территорией. Политика благоприятствования малайцам не допускала в верхние эшелоны власти представителей других этнических общин, даже если они обладали значительным экономическим влиянием. Такое положение осталось и после обретения Малайей независимости в 1957 г.

Следует особо подчеркнуть, что практически вплоть до середины XX в. контакты между китайцами и малайцами, особенно в период работы первых по найму, были весьма ограничены. Однако замкнутость китайцев, обособленность их от малайцев в немалой степени сохранялись и после того, как они станови-

лись свободными рабочими и торговцами. Они были заняты на предприятиях, где работали в основном китайцы, жили в китайских кварталах, вели преимущественно традиционный образ жизни и т.д. Большую роль в жизни китайской общины в Малайе играли тайные общества [Blythe 1969].

Китайцев и малайцев разделяла и религиозная принадлежность. У китайцев были свои конфуцианские, даосские и буддийские храмы и монастыри, но большинство придерживалось традиционных народных верований. Распространены были храмы в память членов семей, патронимий. Во время традиционных народных праздников, особенно во время празднования нового года по лунному календарю, проводились положенные обряды, в исполнении которых принимали участие все от мала до велика.

Китайская народная религия носит синкретический характер, а потому китайцы исключительно веротерпимы. Малайцы же, как известно, глубоко верующие мусульмане, для которых типична нетерпимость к иноверцам. Поэтому религиозная принадлежность китайцев и малайцев в общем не способствовала их сближению. Однако следует напомнить, что в материковом Китае к XIV в. сформировались общины китаеязычных мусульман. На юге страны, в провинциях Фуцзянь и Гуандун, они существовали уже в конце I тыс. н.э. Известный флотоводец Чжэн Хэ, посещавший Малайю, был мусульманином. Можно предполагать, что уже в составе первых китайских иммигрантов, обосновавшихся в Малайе, были и китайцы-мусульмане. Если в материковом Китае китайцы-мусульмане считались особой группой, противопоставляемой всем остальным китайцам (после образования КНР они даже были выделены в самостоятельную народность хуэй), то в Малайе исповедующие ислам китайцы входили в состав китайской общины [Решетов 1998: 116–118]. За несколько веков китайско-малайских контактов небольшие группы китайцев уже в Малайе приняли ислам. В настоящее время они имеют свои организации и периодические издания. Можно предполагать, что в дальнейшем численность китайцев-мусульман будет, пусть и медленно, но расти.

Китайские родители воспитывали своих детей в конфуцианских традициях, старались дать им соответствующее образование. Официально первые китайские школы в Малайи по-

явились уже в начале XIX в. Учащиеся изучали там свой родной диалект китайского языка (южно-миньнаньский — для фуцзяньцев, юэских — для гуандунцев, хакка — для выходцев из разных приморских районов Китая и т.д.), китайскую историю, литературу, символику и др. [Гончаренко 2002: 37–59]. Методом обучения было чтение и заучивание текстов из классических китайских сочинений. Знание о своей родине, о местах предков всегда сохранялось и поддерживалось в каждой китайской семье. Образование в концентрированном виде давало малайским китайцам необходимые сведения о земле предков, способствовало воспроизводству духовных связей с Китаем, сохранению самотытного традиционного культурного наследия и обеспечивало довольно замкнутое существование каждой локальной китайской группы на территории Малайи, обособленность ее от других этнических групп, прежде всего малайцев. И родители, и их дети, обучавшиеся в китайских школах, надеялись на получение высокооплачиваемой работы после ее окончания.

В конце XIX — начале XX в. Малайю посетили видные китайские просветители Кан Ювэй, Лян Цичао, известный революционер-демократ Сунь Ятсен и другие видные деятели, которые выступали за развитие китайского школьного образования, укрепление духовных и экономических связей между китайцами, жившими в Китае, и китайцами, обосновавшимися в странах Юго-Восточной Азии, в том числе в Малайе. Идея китайских школ в этом регионе поддерживалась сначала цинским, а затем и гоминьдановским правительством. Сюда направлялись даже преподаватели из Китая, перед которыми ставилась просветительская задача воспитания китайских иммигрантов, чувства этнической общности.

С другой стороны, начиная с конца XIX в. британская колониальная администрация стремилась развивать англоязычное школьное образование. Одна из первых школ такого рода была открыта в Куала-Лумпуре в 1894 г., подавляющее большинство из 150 учеников составляли китайцы. Китайские дети обучались также в миссионерских школах. Однако большинство китайских школ в этой стране открывалось на средства китайской общины.

Британские колониальные власти, опасаясь распространения неконтролируемой политической пропаганды, нередко закры-

вали китайские школы. В 1940 г. было открыто несколько китайских школ с преподаванием на нормативном национальном (государственном) языке *гоюй*. Сразу же были введены ограничения для открытия школ на *гоюй*, поскольку после образования в 1949 г. КНР английские власти опасались роста коммунистических идей в стране.

В 1952 г. начальные и средние школы были разделены на национальные, с преподаванием на малайском языке, и национального типа, с преподаванием на английском языке и обязательным изучением малайского. Эти два вида школ получали государственные субсидии. Таким образом, реформа оказалась направленной против образования на китайском языке. В связи с этим в 1953 г. китайскими организациями был создан Центральный комитет по китайскому образованию, выступивший против такого решения. Позиция китайцев была поддержана тамилами. Правительство вынуждено было считаться с требованиями китайской общины, и были приняты меры к развитию образования на китайском языке. Были разрешены «независимые» китайские школы, которые содержались на средства китайской общины.

Однако в середине 1980-х годов в них обучалось всего около 10 % китайских детей. Остальные посещали школы национального типа, с преподаванием до 1970 г. на английском, а затем на малайском государственном языке. Процент грамотности среди китайцев был выше, чем у представителей других народов страны. Китайцы в Малайзии, обучаясь в средней и высшей школе, придавали особо внимание овладению английским языком, что позволяло им быть мобильной частью общества, сохраняя при этом высокую степень этнического самосознания. Поддержанию этнической идентичности способствует пресса на китайском языке, а также сформировавшаяся местная литература малайзийских китайцев на китайском, английском и даже малайском языках [Сикорский 1982: 92–117; Решетов 2003: 83–86; Оглоблин 2007: 42–51]. В иноэтническом окружении не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие различные виды традиционного китайского искусства.

Сохранению этнической самобытности способствует семья. Смешанные браки китайцев в Малайзии чрезвычайно редки.

В китайских семьях до сих пор сильны конфуцианские традиции. По-прежнему значительную роль играют родственные и территориально-земляческие связи. Подавляющее большинство китайцев отдает предпочтение национально-региональным вариантам китайской традиционной пищи, хотя все большее распространение получают и кухни других народов страны. Большой популярностью пользуются различные сорта зеленого чая, привозимые из Китая. В целях поддержания внутриобщинных связей организуются спортивные, женские, молодежные клубы и другие общественные организации.

Исторически сложилось так, что соотношение прежде всего китайской и малайской частей населения не одинаково в различных районах страны. Китайцы составляли меньшинство в центральной и восточной частях западной Малайзии, в султанатах Тренггану и Паханг. Наибольшее количество китайцев традиционно расселено в султанатах Селангор (главным образом, в столице государства Куала-Лумпуре), Перак, Джохор и штате Пинанг. В начале 1970-х годов здесь проживало 72 % всей китайской малайзийской диаспоры. По данным на конец 1967 г., в западной части Малайзии проживали 8 655 299 чел., из них малайцев — 4 351 021 чел., китайцев — 3 157 423 чел., индийцев — 957 944 чел., других — 188 911 чел. По официальным данным, в г. Куала-Лумпуре при общей численности населения 450 000 чел. китайцы составляли 62 %, индийцы 17 % и малайцы только 15 %, остальные 6 % — европейцы и евроазиаты [Tson Pao-Chung 1968: 843–849]. До выхода в 1965 г. Сингапура из состава Малайской федерации общая численность китайцев и их экономические позиции в государстве были настолько значительны, что позволяли националистически настроенной части китайской общины мечтать об удовлетворении своих политических амбиций.

Как отмечают исследователи, сам факт преобладания малайцев в государственном аппарате вызывал откровенную неудовлетворенность у китайской буржуазии, особенно у крупных ее представителей. Эта неудовлетворенность проявлялась прежде всего в том, что китайские экономические магнаты старались оказывать националистическое воздействие на местных рядовых китайцев, внушая им мысль о желательности покончить с несправедливым малайским засильем в государствен-

ных управленческих структурах. Националистические настроения подогревались и маоистской пропагандой, активность которой в 1960–1970-е годы была особенно велика и находила отклик в среде недовольной своим положением части китайской общины [Демин 1971: 281, 285]. К началу 1970-х годов малайцы составляли 53 %, китайцы 36 % населения страны при общем его количестве немногим более 10 млн человек. Итоги выборов в малайзийский парламент в мае 1969 г. не удовлетворили определенную часть китайской общины, что в конце концов вылилось в беспорядки в ряде городов страны, прежде всего в Куала-Лумпуре. 13 мая 1969 г. в малайзийской столице произошли ожесточенные уличные столкновения между малайцами и китайцами, сопровождавшиеся поджогами, погромами, грабежами, были убиты и ранены. Эти столкновения пресса назвала расовыми беспорядками.

События в стране в мае 1969 г. обнажили всю сложность межэтнических отношений в стране и продемонстрировали невозможность решать их на основе притязаний какой бы то ни было одной этнической общности на доминирующее положение, как в экономической, так и политической сфере жизни малайзийского общества. Они показали, что решение вопроса надо искать в переговорах, признавая право участия в деятельности государства каждой этнической общины, прежде всего двух основных: малайской и китайской. По официальным данным на 1998 г., население Малайзии составляло 20,466 млн чел. Из них малайцы 10,48 млн чел., китайцы — 5,499 млн чел.

Эти две крупнейшие этнические общности составляют свыше 80 % населения страны. Как представляется, они осознают свою ответственность за будущее государства. Их также связывает общая история, насчитывающая свыше шести веков. И китайцы, и малайцы вместе боролись за национальную независимость против английских колонизаторов. Сегодня их объединяет общность национальных интересов. Благодаря всем народам страны, прежде всего малайцам и китайцам, Малайзия за последние десятилетия добилась значительных успехов в политическом, экономическом и культурном развитии. Усилению контактов, сближению народов государства способствует развитие современной экономики, развитие жилищного строительства, в результате чего значительно возросло китайско-малайское об-

щение. Китайцы представлены в правительстве и парламенте и таким образом участвуют в выработке курса развития страны. В последние десятилетия в Малайзии усиленно пропагандируется развитие единой «малайзийской нации» без подчеркивания этнической принадлежности, принимаются меры к воспитанию «малайзийского духа». В то же время политическое руководство страны создает известные преимущества во всех сферах жизни малайской общине, что вызывает определенное недовольство китайской общины.

За многовековую историю пребывания китайцев в малайской среде у них сформировались определенные, отличные от общеазиатских черты в различных сферах жизни и поведения.

К началу XXI в. подавляющее большинство китайцев Малайзии родились в этом государстве и уже считают ее своей родиной, сохраняя свою этническую идентичность. Они называют себя *хуа*. События в Китае, начиная с 1920-х годов, Вторая мировая война, образование КНР и длительное противостояние в китайско-малайских отношениях привели к резкому уменьшению родственных и земляческих связей малайзийских китайцев с их исторической родиной. Китайцы Малайзии, как и все зарубежные китайцы, не приняли проведенную на материке реформу по сокращенному написанию иероглифов. Таким образом, издающаяся в КНР литература не находит распространения в Малайзии. Но это же время характеризуется усилением межэтнических контактов на новой родине. Этот период — их совместная, пусть и не лишенная противоречий история, характеризующаяся значительными успехами в политической, социально-экономической и культурной жизни малайзийского общества.

В процессе адаптации китайского населения Малайзии, как представляется, произошло формирование китайской общины как самостоятельной этнической единицы — ответвления от общеазиатского этноса [Решетов, Осипов 1971: 96–99; Решетов 1974: 232–252]. Китайцы Малайзии ныне осознают свои задачи в строительстве единого полиэтнического процветающего государства и свое место как органичной части малайзийской нации. В направлении развития этнонациональных процессов ведущая роль теперь принадлежит государству. Дальнейшее совершенствование китайско-малайских отноше-

ний, несомненно, приведет к более глубокой интеграции всех составляющих частей малайзийской нации, при сохранении каждой из них своей этнокультурной, прежде всего языковой, самобытности.

Библиография

Бокщанин А.А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. М., 1968.

Гончаренко С.Н. Китайские школы в Малайзии: история появления и особенности существования // Страны и народы Востока. М., 2002. Т. 31. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 6.

Демин Л.М. Национальный вопрос в Малайзии (в связи с майскими выборами 1969 г.) // Расы и народы. М., 1971. Вып. 1.

Дорофеева Т.В. Малайско-креольские языки Малайзии // Вестник Московского университета. Сер. Востоковедение. № 13. М., 1990.

Дорофеева Т.В. История письменного малайского языка (VII — нач. XX вв.). М., 2001.

Оглоблин А.К. Заметки о китайских мотивах в индонезийской литературе // Проблемы общей и региональной этнографии: К 75-летию А.М. Решетова. СПб., 2007.

Ревуненкова Е.В. Сулалат-ус-салатин. Малайская рукопись Крузенштерна и ее историко-культурное значение. СПб., 2008.

Решетов А.М., Осипов Ю.А. К проблеме этнической адаптации китайцев в Малайзии // Краткое содержание докладов годичной научной сессии ИЭ АН СССР. Л., 1971.

Решетов А.М. Сингапур // Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.

Решетов А.М. Этнографические и исторические параллели к объяснению истоков и характера «дани» у китайцев // Тринадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. и докл. М., 1982. Ч. 2.

Решетов А.М. Китайцы-мусульмане в Китае и в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: Материалы докладов российских участников Северо-Западной международной (финско-российской) научной сессии. СПб., 1998.

Решетов А.М. О китайской литературе в Сингапуре и Малайзии // Филология стран Нусантары (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Восточный Тимор). Международная научная сессия: Материалы докладов. СПб., 2003.

Сикорский В.В. О так называемой китайско-индонезийской литературе // Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982.

Ульянов М.Ю. Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин Вай дай да): Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. М., 2001.

Tan Chee Bebg. Structure and Change: Cultural Identity of the Baba of Melaka // *Bijdragen tot de Taal, Land-en Volkenkunde.*'s-Gravenhage 1988, D.-144, Afl. 2-3.

Teo Kok Seong. The peranakan Chinese of Kelantan. A Study of the Culture, Language and Communication of an Assimilated Group in Malaysia. London, 2003.

Tson Pao-Chun. Kuala Lumpur // *Geographic Magazine.* 1968. Vol. 40. N 10.

Wilfred B. The impact of Chinese secret societies in Malaya. A historical study. London, 1969.